

Проект «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой»
Круглый стол «К 40-летию начала Перестройки. Новая эпоха в женских исследованиях и активизме».

27 марта 2025 года

Выступления участников Круглого стола

О.М. Здравомыслова, вице-президент «Клуба Раисы Максимовны Горбачевой» (Горбачев – Фонд).

Сегодня мы будем говорить о том, как связана Перестройка с развитием отечественных женских исследований и появлением независимого женского активизма в СССР. Как известно, развертывание исследований и становление независимого женского движения в России происходило после Перестройки, в 90ые годы.

Как уже сложилось, этот Круглый стол, дискуссию мы проведем вместе с Надеждой Ажгихиной.

«Раиса Максимовна Горбачева была первопроходцем» Из письма Катрины ванден Хювел участникам Круглого стола.

Н.И. Ажгихина, журналистка, писательница (Союз журналистов России).

Добрый день, дорогие коллеги. Очень приятно встретиться вновь в этом зале, с которым так много связано, - в Клубе Раисы Максимовны. Спасибо Горбачев-Фонду за то, что у нас уже сформировалась традиция этих встреч в рамках Клуба, которые помогают нам лучше понять наше прошлое и лучше разобраться в настоящем. И, конечно, 40-летие Перестройки – это важнейшая дата, которую мы стремимся глубже понимать, описывать, чтобы разобраться в прошлом и ориентирах на будущее.

Наша подруга, коллега, американская журналистка, Катрина ванден Хювел прислала небольшой текст, приветствие участникам сегодняшнего

Круглого стола. Катрина - издательница и главный редактор журнала «Нейшн», которому 165 лет. Это старейший американский политический, близкий к социал-демократии. Кроме того Катрина ванден Хювел участвовала во многих событиях, происходивших в России, когда вместе со своим мужем выдающимся политологом Стивом Коэном она провела здесь несколько лет еще до Перестройки, собирая материал о тех, кто пережил ГУЛАГ. В Перестройку Катрина включилась в дискуссию, диалог с женщинами Советского Союза, а потом продолжила его в постсоветской России. Она участвовала в проекте издательства «Прогресс». И переводы таких знаковых книг, как «Второй пол» Симоны де Бовуар. «О вас и вашем теле» - тоже заслуга Катрины. Так же, как издание российско-американского, впоследствии международного женского журнала «Вы и мы», который существовал почти десять лет начиная с 91-го года.

Не могу не упомянуть о том, что скоро выйдет в свет моя с Катриной совместная книга на двух языках. Это диалог о том, что происходило с нами начиная со времени нашего знакомства в поздние 80-е годы. По-русски книга называется «Мы все-таки верим». Это рассказ о Перестройке, о том, что происходило тогда с женщинами, что было с журналистикой, и о том, какие существуют альтернативы языку вражды и агрессии.

Катрина и ее муж Стив были хорошо знакомы с Михаилом Сергеевичем и Раисой Максимовной Горбачевыми. Я прочту письмо Катрины ванден Хювел участникам Круглого стола:

«Раиса Максимовна Горбачева была настоящей, доброжелательной и удивительной, она была первопроходцем. Хорошо помню время, когда я и мой муж Стив Коэн, недавно ушедший от нас, жили в Москве в 1985 году. Однажды мы купили газету, где на первой полосе была фотография четы Горбачевых во время официального государственного визита. Москва всегда была то, что называется большой деревней, и она тогда буквально гудела

слухами о том, что жена советского лидера претендует на важное, едва ли не центральное место в общественной жизни.

Раиса Максимовна заплатила высокую цену за то, что нарушила обычаи. Она была живым человеком и, конечно, страдала от нападок СМИ и разных слухов. Собственно, за что ее осуждали? За ее твердую позицию образованной женщины? За то, что она способствовала изменению общественного восприятия профессиональной-ориентированной женщины, то есть того, чтобы образованные советские женщины играли важную роль в обществе?..

Главные достижения ее мужа, Михаила Сергеевича Горбачева, были бы невозможны, я думаю, без ее деликатного, очень осмысленного и организованного участия. Его путь к вершине советской системы, так же, как его попытки изменить саму систему и советское общество, уничтожить цензуру и улучшить отношения с Западом были и ее работой – незаметной, но важной.

Знаю, что на первых порах существования «Новой газеты» Раиса Максимовна серьезно помогала журналистам. Ее работу по продвижению женского образования, прав женщин в целом часто недооценивают. О них толком не знают. Но ваша встреча сегодня – это свидетельство того, что работа Раисы Максимовны по продвижению роли женщин в обществе не прошла даром и имеет продолжение.

Раиса Максимовна Горбачева была настоящим первопроходцем. Надо отдать ей должное».

Привет всем от Катрины.

О.М. Здравомыслова.

Мы начали сегодняшний разговор, приуроченный к 40летию начала Перестройки, с письма Катрины ванден Хювел о Раисе Максимовне Горбачевой, которая в те годы вошла в советскую и российскую историю.

Рассказ о ее роли в продвижении женского вопроса в период Перестройки продолжит Константин Краснослободцев, профессиональный историк, ведущий сотрудник архива Горбачев-Фонда.

«Это наше время и наша судьба. С чувством надежды смотрим мы на мир. Нет ничего более страшного и бесчеловечного, чем война». Из выступления Р.М. Горбачевой на приеме 8 марта 1991 года.

К.В. Краснослободцев, историк (Горбачев-Фонд).

Для меня как историка и архивиста всегда особенное удовольствие – работать с документами Раисы Максимовны. Потому что благодаря этим материалам удастся вникнуть в суть событий не только Перестройки, но и нашего времени.

Сегодня на примере документов хранящихся в архиве Горбачев-Фонда, я бы хотел рассказать о двух значительных событиях Перестройки, в которых Раиса Максимовна принимала непосредственное участие и которые важны для темы нашего сегодняшнего Круглого стола. Речь пойдет о Всемирном конгрессе женщин 1987 года и о государственных приемах по случаю Международного женского дня.

Начну именно с них. В архиве есть Распоряжение Президента СССР 1991 года, в котором он предлагает сохранить традицию приемов в честь Международного женского дня. Она зародилась еще в 1962 году, когда впервые состоялся такой прием в Кремле, а с 1966 года приемы проходили на регулярной основе. Надо сказать, что довольно быстро сложилась каноническая форма проведения этих мероприятий и утвердился список лиц, которые получали приглашение на прием по случаю Международного женского дня. В список, конечно, входили супруги членов Президиума ЦК КПСС, кандидатов в члены Президиума и так вплоть до супруг министра иностранных дел и заместителя министра иностранных дел. На приемах выступали также женщины-министры, если они были на тот момент.

Например, выступали на таких приемах Екатерина Алексеевна Фурцева (министр культуры СССР в 1960—1974 гг.), Лидия Павловна Лыкова (министр социального обеспечения РСФСР в 1961—1967 гг., заместитель Председателя Совета Министров РСФСР в 1967—1985 гг.)

С 1975 года гостям начинают вручать памятные подарки. Обычно это были какие-то небольшие игрушки, значки или художественные альбомы - «Моя Москва, «Хохлома», «Передвижники» и т.п.. Всегда устраивался концерт.

В архиве Горбачев- Фонда сохранились документы, свидетельствующие о том, как формировался список гостей, в число которых входили супруги дипломатических представителей в Москве.

В 1986 году состоялся первый прием от лица Раисы Максимовны Горбачевой. Число участников составляло 300 человек, при этом значительно расширился и стал более разнообразным круг приглашенных. С приходом Раисы Максимовны приглашения получали не только традиционные участницы приемов, но и делегатки съездов КПСС, народные артистки СССР и женщины, получившие звание Героев Социалистического труда.

Раиса Максимовна произносила на приеме речь. В архиве сохранился - в виде машинописных листов формата А-5, которые готовили для выступления и с которых обычно считывали текст – текст речи Р.М. Горбачевой на последнем советском приеме 8 марта 1991 года.

Приведу несколько цитат:

«Нынешний праздник пришелся на нелегкое время. Но какое бы оно ни было, это наше время и наша судьба. И мне бы хотелось сказать вам о своем женском понимании того, что происходит в нашей стране. Мать дает жизнь ребенку, а каким он станет – определяет воспитание. Мы дали жизнь обновлению общества, и мы занимаемся сейчас тем, чтобы наше дорогое дитя выросло, окрепло и твердо встало на ноги.

В чем философия, в чем философская нравственная сущность Перестройки? Она в том, что политики, которую ее начали, сказали себе: так дальше жить нельзя. А морально ли перекладывать на детей и внуков то, что должны сделать мы сами?

С чувством надежды смотрим мы на мир. Нет ничего более страшного и бесчеловечного, чем война. Горе матери и вдовы, в какой бы стране оно ни обрушилось на женщину, - трагедия общечеловеческая. Прекрасны цветы в руках женщины в день Международного праздника, но страшно, когда они ложатся на прах мужа, сына, брата, ребенка.

И коль можно было бы говорить о чисто женской политике, то вся бы она укладывалась в два главных слова – мир и благополучие. Новое мышление более чем созвучно родовому началу, которое несут в себе женщины и матери. А как иначе?! В мирном будущем счастье наших детей и внуков».

Несколько слов о Всемирном конгрессе женщин 1987 года – одном из крупных международных форумов, проходивших под эгидой Международной демократической федерации женщин. Эта организация была создана в 1945 году и исторически была близка к коммунистическому движению. Конгресс проводится до сих пор – раз в четыре года. СССР принимал такие конгрессы дважды: первый раз – в 1963-м, а второй – в 1987 году, с 23 по 27 июня. Тогда конгресс проходил под лозунгом «К 2000 году мир без ядерного оружия. За мир, равенство и развитие».

Форум был весьма представительным. Вот некоторые цифры: «2 тысячи иностранных делегатов, советская делегация составляла 50 человек, 154 страны-участницы, в том числе самые большие делегации из США, Канады, Великобритании и ФРГ. Работа конгресса была разбита на тематические секции с понятными проблемами, обсуждениями и дискуссиями, в частности "Влияние новых технологий на положение

женщин, положение молодых женщин". Среди участниц конгресса были Анджела Дэвис и Коретта Скотт Кинг – вдова Мартина Лютера Кинга».

В архиве сохранились многочисленные фотографии с конгресса, поскольку на нем работали многие известные фотографы из Фотохроники и работа конгресса была довольно хорошо освещена.

Документы конгресса представлены разными материалами. Среди них есть как официальные, например порядок работы форума, так и более личные, составленные, например, помощниками для Раисы Максимовны, в частности Виталием Семеновичем Гусенковым. На этих рабочих материалах - очень характерные для Раисы Максимовны небольшие отметочки, заметки...

Очень интересны и тоже характерны для материалов Раисы Максимовны небольшие объективки - в них информация о тех людях, с кем она будет контактировать во время этого форума. Помощниками составлена краткая справка о женщинах, которые присутствовали в президиуме форума. Интересный документ - справки о тех, с кем нужно переговорить, по мнению помощников, во время форума. Специальные отметки – Список участниц, с которыми необходимо побеседовать.

Здесь и одна из интересных заметок, составленная Виталием Семеновичем Гусенковым - она посвящена обращениям к Раисе Максимовне журналистов с просьбами об интервью и рекомендациями Гусенкова – с кем из них стоило бы поговорить, а с кем, возможно, и нет.

В рамках форума состоялась очень интересная выставка картин, представляющая в духе того времени образ русской женщины: были представлены картины таких вновь обретенных массовым зрителем художников, как Сергей Судейкин, Зинаида Серебрякова и многие другие.

Есть замечательные блокноты Раисы Максимовны, которые всегда очень интересно изучать, - в них ее заметки об участницах Всемирного конгресса женщин. Хотя почерк кажется довольно понятным, с ним

довольно тяжело работать: приходится довольно долго расшифровывать такие заметки, но они, безусловно, представляют интерес. Практически в каждой описи фонда Раисы Максимовны Горбачевой мы находим такие подготовительные записи.

Есть фотография – Раиса Максимовна в кругу участниц конгресса, а слева от нее Виталий Семенович Гусенков, который редко попадал в кадр с Раисой Максимовной. Он – автор большинства справочных материалов подготовленных для нее в этом форуме и другим событиям.

Завершу свой рассказ письмом Галины Ивановны Балобоевой – председателя Новотроицкого городского Совета Женщин Оренбургской области. Она написала в редакцию журнала «Крестьянка», откликаясь на опубликованную в 1991 году статью о Раисе Максимовне Горбачевой. Галина Балобоева вспоминает о Всесоюзной конференции женщин в Москве. Об этом событии, к сожалению, нет материалов в архиве Горбачев-Фонда, но в письме – живое впечатление о встрече с Раисой Максимовной и о ее неподдельном интересе к женской теме и женщинам – общественницам:

«На первой Всесоюзной конференции женщин я вдруг увидела толпу в фойе, а в центре - Раиса Максимовна беседует с ними. Я обратилась к ней сквозь шум: Раиса Максимовна, Оренбургская делегация хотела бы с Вами поговорить». Реакция Раисы Максимовны - сквозь шум она услышала мой голос, посмотрела мне в глаза и сказала: я выйду к вам через пять минут. Толпа разошлась, а я пошла предупредить свою делегацию, чтобы собрались все вместе и взяли книгу «Твое Оренбуржье», так как через пять минут выйдет Раиса Максимовна. Никто из женщин (в делегации было девять человек) не поверили, но стали ждать. И ровно через пять минут вышла Раиса Максимовна.

Встреча наша длилась, возможно, десять минут, чуть больше, но оставила след навсегда. Осталось отношение к Раисе Максимовне как к

приятной, простой, душевной, равнодушной, выдержанной и воспитанной женщине.

Когда я слышу, что где-то говорят о ней плохо, мне становится не по себе. О ней почему-то мало пишут - и появилось желание поделиться воспоминанием об этом прекрасном человеке».

«Женский вопрос» и в целом, женские исследования, которые сейчас приобрели автономный характер, отразили все перипетии советской истории».

О.М. Здравомыслова.

Рассылая приглашения на сегодняшний Круглый стол, мы обозначили первой темой, которую предложили обсудить: «Советские женщины 80-х годов в зеркале статистики и социологии». Об этом есть много исследований, которые начались еще в советское время и продолжаются сейчас. Здесь присутствует Александр Жидченко – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института антропологии Российской академии наук, который занимается этой темой давно и очень последовательно. Сегодня он расскажет о некоторых результатах своих исследований. Они являются частью многолетнего проекта «Устная история женщин», который ведет историк Наталья Пушкарева – этот проект вносит несомненный вклад в понимание советского прошлого и его связей с настоящим.

Для нынешнего этапа исследований советской истории характерно то, что, по мере того как он все более отдаляется и становится нашим прошлым, появляются новые вопросы, а многие прежние объяснения требуют уточнения.

Женская тема – один таких примеров. Здесь всегда надо иметь в виду, что «женский вопрос» и в целом, женские исследования, которые сейчас приобрели автономный характер, отразили все перипетии советской истории. Порой мы недооцениваем это обстоятельство, без которого трудно понять

язык 80-х годов, и то, почему можно считать Перестройку эпохой, когда открылось новое направление в женских исследованиях и активизме.

Советский проект в целом – порождение и продолжение Русской революции. На протяжении всего своего существования он был обусловлен историей этой революции, которая, начавшись в 1905 году, прошла разные этапы. Сначала - это был прорыв к свободе, потом, начиная с 1920ых, - обретение властью тоталитарной формы и приспособление к ней общества.

Виктор Мироненко, который здесь присутствует, не раз вспоминал, как Михаил Сергеевич Горбачев говорил, что «он хочет остановить революцию». Это можно понять в том смысле, что он понимал необходимость прервать революционную логику, работавшую на сохранение тоталитарной власти. Такая логика все больше приходила в противоречие с жизнью общества, но оно не находило способов ее изменить - общество менялось, но вплоть до Перестройки система власти сохраняла тоталитарную основу. Поэтому в 2021 году, подводя итоги своего пути, Горбачев сказал: «главное, чего мы достигли внутри страны, - люди обрели свободу, покончили с тоталитарной системой».

Это имеет непосредственное отношение к российской истории решения женского вопроса в XX веке: после революционной попытки большевиков, говоря их языком, наскоком уничтожить систему угнетения, которую олицетворяла дореволюционная патриархальная семья с ее обычаями и законами наступил период зрелого тоталитаризма. В нем сформировалось то, что современные исследователи называют этатистским гендерным порядком, или советским патриархатом.

Пик этого порядка - период 30-50-х годов. А когда железная хватка тоталитарной власти несколько ослабла, стали изменяться формы повседневной жизни - хотя общество по-прежнему было лишено возможности стать активным, субъектным. Но происходил уход людей в частную жизнь и развитие сферы повседневности.

Концепция «естественной роли женщины», которая в советские 70ые зазвучала очень явственно, родилась именно на этой основе, и в тех условиях она была своего рода противодействием тоталитарному режиму со стороны общества. Это была попытка людей и прежде всего, женщин иметь какую-то степень свободы на частном пространстве, которым являлась семья.

Наряду с этим, после быстро происходил рост женской профессионализации и к началу 70ых в СССР сложился один из самых высоких в мире уровней профессиональной занятости женщин – он составлял 86% и в последующие годы повышался (в 1990 г. около 90% всего трудоспособного женского населения было профессионально занято), Советские женщины были уже не политически мобилизованными крестьянками, как в 30-е годы – теперь они массово выбирали образование и стремились самореализоваться в профессии. Подчеркну, что это было характерно именно для ситуации 80-х годов.

На этой основе происходила модернизация семейных отношений. Их прообразом уже не была не крестьянская семья. Базовой стала нуклеарная семья двух работающих супругов и их детей, в такой семье, которую иногда называли двухкарьерной, вырабатывались отношения, близкие к эгалитарным. Но социологические исследования неизменно показывали, что структура распределения домашних обязанностей закрепляла гендерное неравенство, которое многократно усиливала двойная занятость работающей матери. Это был заколдованный круг, в который попали женщины, поскольку пресловутый феномен двойной занятости, закрепленный в так называемом договоре работающей матери в период зрелого тоталитаризма, продолжал оставаться массовым.

Именно в 70-80-е годы , когда появилось большое число образованных, профессионально ориентированных женщин, двойная занятость была осознана как неразрешенный конфликт, который находил отражение в женских исследованиях и формировал новый взгляд на «женский вопрос» в

СССР. В 1969 г. в журнале «Новый мир» публикуется повесть Натальи Баранской «Неделя как неделя», в которой описывалась всем знакомая жизненная ситуация молодой женщины с высшим образованием, работающей в одном из московских НИИ. Она постоянно находится на грани нервного срыва, под грузом рабочих и семейных обязанностей, который она уже не в силах выдержать. Ужас ситуации рождался из сочетания ее типичности, «нормальности» - и ее неразрешимости. Это было началом признания факта неравенства женщин в обществе «развитого социализма» и осознания его как социальной и культурной проблемы.

В 1981 году с трибуны XXVI съезда КПСС генсек партии Леонид Ильич Брежнев говорил о насущной государственной задаче улучшать жизнь советских людей, но проблемы советских женщин в этой связи никак не упоминались: «женский вопрос» считался раз и навсегда решенным в СССР.

Именно в этом контексте стоит определять значение того, о чем говорил в 1986 году, на следующем, XXVII съезде партии, Михаил Сергеевич Горбачев, выступая с политическим докладом ЦК КПСС: *«Социалистическая семья строится на основе полного равноправия мужчин и женщин, их равной ответственности за семью... Предпосылка решения многих проблем семьи -- создание таких условий труда и быта женщин, которые позволяли бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности».*

С этого заявления генсека КПСС началось возвращение «женского вопроса» в официальный советский дискурс. В Перестройку, по сути, был дан старт деконструкции пропагандистских клише, в течение десятилетий подменявших женскую тему. При этом акцент, который делал Горбачев на общественной и политической роли женщин, содержал призыв к реальной действенности женского движения. (Уже в январе 1987 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция женщин, в работе которой приняли

участие свыше тысячи представительниц республик, краев и областей страны. На конференции было принято Положение о советах женщин (женсоветах), обсуждены их задачи, сформулированы цель и основные направления их деятельности, организационное устройство и права).

Через два с половиной года после XXVII съезда, на одном из ключевых событий Перестройки - XIX партконференции (в июле 1988 года), Горбачев выразился еще более определенно. Он подчеркнул препятствия в реализации принципа равноправия женщин и мужчин в советском обществе, ясно обозначив нерешенность проблемы баланса работы и семьи: *«Мы провозгласили равенство прав женщины с мужчиной, обеспечили равный доступ почти ко всем профессиям, установили одинаковую оплату за равный труд, гарантировали другие права женщин. Но дело обернулось таким образом, что наряду с бесспорными приобретениями у женщин остались заботы, которые во многом мешают им в полной мере использовать свои права».*

Одним из знаковых результатов перестроечного поворота к женской теме стала широко известная статья «Как мы решаем женский вопрос» Натальи Захаровой, Анастасии Посадской и Натальи Римашевской. В статье, были сформулированы новые для советского общества идеи: авторы представляли «свою интерпретацию уроков решения женского вопроса в нашей стране, свое отношение к развитию принципа равенства полов», основанное в том числе на привлечении мирового опыта.

Статья появилась в 1989 году в журнале «Коммунист». Это было нечто невероятное, потому что «Коммунист», ведущий журнал ЦК КПСС, давал директивы партийным руководителям и общественности. Так или иначе, был открыт путь формированию нового взгляда на «женский вопрос» через развитие женского активизма и социальных исследований.

Эти моменты я хотела обозначить прежде, чем мы будем говорить о конкретных темах нашей дискуссии.

«Конец 80-х – начало 90-х – это было время развития женского активизма».

И.И. Юкина, историк российского женского движения (Санкт-Петербург).

Говоря о новой эпохе женских исследований в связи с Перестройкой, надо взглянуть на этот вопрос шире: Перестройка дала старт развитию социальной и гуманитарной науки в нашей стране, не только женским исследованиям. До этого времени существовал жесткий партийный контроль, самоцензура, предопределявшие отбор тем. Но, конечно, женская тема была особенно пострадавшей в социальных, гуманитарных науках.

В советское время был термин – мелкотемье, то есть что-то неактуальное, неважное – женские исследования с этой точки зрения занимались именно мелкотемьем. Были, конечно, интересные работы - я имею в виду прежде всего работы социологов, которые анализировали социальные проблемы, учитывая распределения по полу (это делали не всегда и не все). Конечно, факт двойной занятости женщин был зафиксирован в исследованиях о соотношении рабочего и свободного времени мужчины и женщины, отношений к семье. Но это становилось собственно предметом исследований, а входило в них как один или несколько вопросов анкеты.

События конца 80-х – начала 90-х годов, когда процессы демократизации, изменения политических возможностей изменили атмосферу в обществе, позволили российской социальной науке развиваться и выйти на современный уровень. Так например, в исторической науке появилось осознание того, насколько важны быденное, каждодневное, не считавшееся раньше достойным рассмотрения в социальной науке.

Последующие события 90-х годов заставили исследователей обратить на это внимание. Тогда в России стали появляться новые научные

направления. В первую очередь это были антропология и социальная история. В рамках этих направлений стали развиваться история ментальности, интеллектуальная история, история детства, история женщин, гендерная история.

Очень хорошо помню этот период, это ощущение, когда вдруг понимаешь, что можешь заниматься тем, чем хочешь. Еще раз повторю: конечно, без Перестройки этого бы не случилось. Может быть, когда-нибудь, через много лет до СССР дошла бы эта волна изучения женской, гендерной истории, которая уже развивалась в западных странах. Но для нашего поколения, для меня, этого бы не случилось. Поэтому, конечно, я благодарна тому времени, открывшему новые возможности.

Я считаю, что мне в жизни очень сильно повезло, что это все пришлось на мой активный исследовательский возраст, что я смогла начать заниматься тем, чем мне, в общем-то, хотелось заниматься. Потому что конец 80-х – начало 90-х – это было время развития женского активизма. Конечно, ситуация была чрезвычайно сложной для многих женщин. Шел период возрождения женского движения. Я говорю о его *возрождении*, но мы ведь тогда практически не знали или очень мало знали о существовании *«женского движения первой волны»* в России.

Понятно, что в Перестройку социальная активность женщин, с одной стороны, была вызвана призывом «сверху»: давайте изменим нашу страну, «так жить нельзя». С другой стороны, причиной становилось бедственное положение, в котором оказались женщины, поскольку многие проблемы решались традиционно за их счет. Я имею в виду такие проблемы, как сокращение штатов, женская безработица. Кого в первую очередь сокращали? Понятное дело, что женщин. То есть возникла острая проблема с женской занятостью и женской бедностью, что в полной мере проявилось, конечно, после Перестройки, в 90ые годы.

В Перестройку это рождались новые женские инициативы, начинавшиеся с таких традиционных форм, как Советы женщин, которые возникали в территориальных образованиях. В центральном районе Петербурга (тогда еще в Ленинграда) я участвовала в таком женсовете. Это было для меня совершенно новой формой проявления себя. Сначала было совершенно непонятно, что это за деятельность, но, в основном, конечно, занимались социальными проблемами.

Такие же Советы женщин возникали на предприятиях – это были уже не формальные структуры, которые действуют под руководством местного парткома предприятия, а инициативы самих женщин. Потом появились женские правозащитные организации. Так, в Петербурге были две организации солдатских матерей, другие материнские организации - Афганские матери, Малоимущие матери и т.д.. Практически, в каждом районе города были материнские организации, которые поддерживали друг друга. Появились и первые гендерные центры, в первую очередь, Московский, Петербургский, потом - в Твери, Иванове, Петрозаводске, Самаре.

В Петербурге была женская партия. Помню, что я ходила на какое-то ее заседание и все старалась понять, что это за такой «конструкт». Был Клуб безработных женщин.

Если говорить о моем личном опыте, это было очень вдохновляюще, это было интересно. Но надо сказать, хотя к этому времени я давно ушла из университета и не собиралась туда возвращаться, у меня появился исследовательский интерес в связи с этой активностью. У нас был опыт советского прошлого, когда жестко контролировалась любая социальная низовая активность. Теперь же появились вопросы: нормально ли, что мы делаем, хорошо ли это? Было понятно, что нам иначе не выжить. Потому что эти женсоветы занимались распределением гуманитарной помощи, то есть

проводили акции, которые способствовали просто выживанию и поддержанию женщин и детей.

Думаю, многие исследователи (а для меня это стало решающим) почувствовали запрос на знание о том, что было в женском движении *до нас*. Это позволило мне вернуться к научной деятельности и постараться ответить на этот запрос.

В связи с этим встала еще одна, следующая проблема. К сожалению, движение 80-90-х годов (я бы охарактеризовала его как *«женское движение второй волны»*) по многим причинам, не буду сейчас вдаваться в подробности) не исследуется. Это очень печально. Потому что мы знаем, что в наших рядах уже есть невозвратные потери. Люди уходят, люди забывают, документы теряются. Необходимо писать историю *«женского движения второй волны»*.

Кое-что, конечно, делается. Недавно я давала отзыв на диссертацию Марии Штылевой - она защищает диссертацию под руководством Натальи Пушкаревой в Институте этнологии РАН. Работа Марии Штылевой посвящена деятельности Конгресса женщин Кольского полуострова - крупнейшей организации, очень интересно работающей.

Упомяну, конечно, инициативу Петербургского женского Клуба, членом которого я являюсь. Клуб организовала Рима Шарифуллина – многим хорошо известная активистка женского и профсоюзного движения. В 2020 году мы взяли друг у друга интервью. Потому что поняли, что «натура» уходит. Я брала интервью у Марины Арестовой - она организовала первый шелтер в Петербурге. Были взяты интервью у Римы Шарифуллиной, Елены Забадыкиной, у Елены Кореневой, Натальи Евдокимовой (единственной женщины - депутата в первом созыве Санкт-Петербургского Законодательного собрания и правозащитницы), Ольги Безбородовой (юристки, правозащитницы), Дианы Балибаловой.

Каждая из нас брала по два-три интервью. Я была потрясена. Раньше говорили: Ленинград – город маленький, и мне казалось, что я знаю если не всех, то почти всех и многие инициативы. И на этом проекте вдруг выяснилось, что неизвестно или почти неизвестно очень много из того, чего делалось. Например, Диана Балибалова участвовала во внутрипартийных дискуссиях о том, как изменить КПСС. Помните, конечно, эту идею о социализме с человеческим лицом. Для меня стало откровением, что такие дискуссии проводились в самой КПСС. А например, Елена Веселовская занималась благотворительностью, в том числе церковной благотворительностью, Анна Скворцова – тоже выступала как правозащитница. Короче говоря, делалось очень много.

Хочу закончить выступление призывом: давайте обратим внимание на эту проблему ненаписанной истории «российского женского движения второй волны». Потому что глядя из сегодняшнего дня, становится все более очевидно, что мы очень много сделали. А сама я пришла к этому выводу уже давно.

«Мы живем в мире, где очень разные акторы создают традиции и претендуют на гегемонию».

Е.А. Здравомыслова, социолог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Спасибо коллегам, которые начали этот разговор. Остановлюсь в связи с этим на трех моментах.

Во-первых, хотела бы обратиться к тезису Ольги Михайловны (Здравомысловой) и немножко его расцветить. У меня сложилось впечатление, что гендерные исследования замалчиваются, но не так давно мне позвонили из Института истории РАН и заказали большую статью в сборник, который называется «Брежневский период». В этом сборнике запланирована глава «Гендерный порядок брежневского периода». Я

расценила это как отличный шанс, даже знак - и сделала эту статью вместе со своей коллегой Анной Темкиной, с которой мы очень часто пишем в соавторстве. Работа еще в процессе, и пока не очень непонятно, чем это закончится. Но нам пришлось перелопатить огромное количество советских источников, потому что мы решили, что будем опираться на социологические исследования того времени, которые имеют отношение к женскому вопросу, гендерным отношениям.

Мы обнаружили огромный пласт литературы. Фактически, важный для нас материал был в каждой работе. Социология труда, социология молодежи – везде присутствовал вопрос пола. Потому что данные массовых опросов собирались таким образом, что эти демографические характеристики – возраст, пол – всегда учитывались.

Кроме того, существовало «мелкотемные», как сказала Ирина Юкина, женщины-исследовательницы, которые занимались женщинами. Например, довольно скучная на наш сегодняшний взгляд книга Зои Янковой 1979 года так и называется «Советская женщина». Она не только аккумулировала и переработала все данные про женщин из других работ той волны социологов-шестидесятников-семидесятников, но и проводила собственные исследования. В свою очередь, у этих исследователей были последователи. Уже к 80-м года, ко времени Перестройки, социологи обслуживали власть, занимались социальной инженерией, но они продвигали и все реформаторские идеи, подготавливали их реализацию. Очень часто на социологические исследования, которые носили такой реформаторский характер, власти закрывали глаза. Но потом, во время Перестройки, глаза можно было открыть, использовать эти наработки и на них опираться.

В общем, там было отмечено самое главное. Больше всего меня, надо сказать, тронуло исследование свободного времени, которое было проведено Борисом Андреевичем Грушиным. Я не могла пройти мимо этой работы, где мой отец, Андрей Григорьевич Здравомыслов – один из главных авторов. Но

«Свободное время» – потрясающая работа. Точно так же, как и исследование «Человек после работы» Л. А. Гордона и Э. В. Клопова, которые занимались бюджетами времени. И они просили людей – женщин и мужчин, работающих на промышленных предприятиях (у них была репрезентативная выборка) – просто фиксировать то, что они делали. И в результате все эти слова – о сверхэксплуатации домашнего труда, фактическом неравенстве – там были написаны.

Было показано, что у нас существует фактическое неравенство между мужчинами и женщинами: была показана дискриминация на работе, в сфере занятости, где нет равной оплаты за равный труд и т.д. В семейной сфере проблематизировалась власть женщин в семье и непомерная нагрузка домашнего труда, возложенного на них, усугубленная неразвитой социальной инфраструктурой и потребительским дефицитом.

Но самое главное – то, что написал Грушин, и это надо специально выделить: им было написано, что *неравенство между мужчинами и женщинами выражается больше всего в отсутствии у женщин свободного времени. Потому что свободное время – это главная ценность*. Мы можем спорить насчет неравенства в оплате труда, потому что низкая, по сравнению с мужчинами, квалификация женщин приводит к тому, что женщины меньше зарабатывают. Можем спорить еще о чем-нибудь... Но существует факт, что у женщин нет свободного времени. А свободное время – это пространство развития личности. И никакая советская, социалистическая и вообще гуманистическая идеология ценность свободного времени не может отрицать. Это было показано в тех социологических работах, и это было замечательно. И все гендерно чувствительные слова были сказаны. Но категориальный аппарат был наш родной, советский.

Второй момент, который я хотела бы осветить, – это роль Перестройки в изменении социально-гуманитарных дисциплин. Ирина Юкина уже начала об этом говорить. В Перестройку снимаются идеологические барьеры в

производстве социального знания. В связи с этим прорывается поток современного социального знания, и наши социальные исследования вынуждены его осваивать. Потому что у нас было большое отставание именно в социальном, гуманитарном знании. Потому что у нас не преподавались не только фрейдизм, неофрейдизм и т.д., но даже современный марксизм, если только не в виде критики буржуазных теорий. Не говоря уже о том, что не было гендерных исследований.

И когда марксистская догма утратила свой авторитет, и цензура была отменена, революция гласности привела к необходимости интегрировать позднесоветскую социальную науку в международную, так скажем, карту социальных наук. И тогда возникли инновации в сфере производства социального знания. Это прежде всего коснулось социологии. Она была институционализирована, но только в 1990 году открылись социологические факультеты, и люди могли получать диплом социолога. Раньше, до Перестройки, этого не было, хотя наши нынешние студенты просто этому не верят.

Политология тоже не была отдельной дисциплиной. А внутри социологии не было ни социологии общественных движений (что это за зверь такой?!) ни гражданского общества – ничего этого не было. Все это плоды гласности, которая проникает не только в средства массовой информации. Но главное, именно тогда в мир академического производства знаний проникают гендерные исследования как ответ на появившуюся открытость и как большой запрос.

Почему возникают именно как *гендерные исследования*? Потому что этап *женских исследований* в международной карте производства социального знания уже пройден и подвергается критике. Тем не менее оплотом гендерных исследований являются, конечно, женские исследования.

Я хочу сказать, что этот запрос академический, и я бы даже сказала, запрос номенклатуры и власти все-таки получил поддержку снизу. Потому

что у нас были люди, которые этим занимались, интересовались и знали эту тематику. Просто это не востребовалось.

Третий момент. Я хотела сказать тоже о том, как женская тематика еще до Перестройки, но в ее преддверии проблематизировалась в так называемой неформальной публичной сфере, которая постепенно отвоевывала пространство в общественной жизни. Еще не было открытой публичной сферы. Но возникали инициативы, которые нельзя назвать частной жизнью. Они часто имели подпольный характер как правозащитное движение - тем не менее какие-то голоса раздавались. В 1979-1981 годах в Ленинграде был опубликован так называемый феминистский самиздат. Это журналы «Мария» и «Женщины и Россия». Их издательницы Татьяна Мамонова, Юлия Вознесенская, Наталия Малаховская и Татьяна Горичева проблематизировали, в общем, женскую долю.

Может быть, литературные достоинства того, что печаталось в этих журналах, были не слишком высоки, но в них поднимались темы, которые замалчивались даже в социологических исследованиях: домашнее насилие и то, что сейчас называется словом «харрасмент», и сексуальное насилие, и тема аборт - а у нас в то время была абортная культура...

Мы не должны забывать о том, что было сделано именно тогда, в СССР.

Хотела бы предложить вам вспомнить прекрасную теоретическую рамку, которая могла бы объединить усилия, которые мы должны предпринимать и предпринимаем для того, чтобы не потерять ничего из того, что было. Это называется *изобретение традиций*. Я говорю о теоретической модели, разработанной Эриком Хобсбаумом в 80-е годы.

Ясно, что это практики, которые выстраивают традиции, даже если их, собственно, не было, и даже источников их особенно не было. Но это нужно для сохранения сообщества. Для того чтобы продвинуть какие-то идеи. Мы живем в мире, где очень разные акторы создают традиции и претендуют на

гегемонию. И у нас есть шанс создавать свое культурное наследие, свою традицию, не забывая, - в прошлый раз говорила об этом Ольга Михайловна (Здравомыслова), и я была вдохновлена этой ее фразой, - что у нас есть российское культурное наследие освободительного женского движения, наследие интеллектуальной свободы женщин.

«Особенности восприятия женской темы, женских исследований, гендерной проблематики, которые мы наблюдаем сейчас, сформированы советской журналистикой и литературой».

Н.И. Ажгихина.

Не могу не напомнить о том, что в 90-ые годы в Независимой газете была еженедельная страница, которая называлась «Женщина». Она была популярна – ее читали политологи, читали в администрации президента Ельцин, на нее обращали внимание а многочисленные читатели газеты. На этой странице были представлены голоса участниц женского движения, выступали и исследователи, и политики разных стран мира. Это была уже традиция.

Думаю, что под эгидой «Клуба Раисы Максимовны» мы могли бы создать некий массив текстов для чтения. Потому что чтение важно - важно не только собирание и сохранение материалов, но и доступный читателям интеллектуальный продукт, который может заинтересовать многих.

В свое время этим занималась советская журналистика и литература. Можно заметить, что особенности восприятия женской темы, женских исследований, гендерной проблематики, которые мы наблюдаем сейчас, сформированы ими.

Елена (Здравомыслова) рассказала о замечательных социологических исследованиях. В советской прессе ученые были популярными авторами, часто друзьями редакции. Например, исследователи педагогической науки

создали целое направление и во многом, именно дружба с редакциями продвинула нашу инновационную педагогику.

Что же касается женской темы, я не помню ее исследователей в коридорах редакции. Не было серьезных и одновременно популярных статей об этом. Хотя я уверена, что аудитория была бы рада их воспринять. Мне кажется, дело в том, что в самой научной и околонаучной среде возникли стереотипы, которые этому препятствовали.

Если вспомнить, что нас окружало информационно в поздние советские годы, до Перестройки и во время Перестройки, то ведущим оставался массив официальной информации с многочисленными идеологическими и пропагандистскими клише. Диссидентское сопротивление выражали тексты с противоположным идеологическим знаком, но по стилю они тоже были пропагандистским. И существовало что-то посередине - балансирующее в рамках цензуры, но использующее эзопов язык, искусство слова, доносящее важные смыслы.

В советское время было общее информационное пространство. Что в нем говорилось про женщин? Официально у нас было гендерное равенство, хотя фактически его не было. Существовали гендерные квоты: женщины везде сидели в президиумах съездов и других высоких собраний. У этих женщин были одинаковые костюмы и одинаковые прически. Про них рассказывали анекдоты. Особой симпатии у населения, особенно у молодежи они не вызывали, хотя многие из них делали много объективно хорошего и важного. Иногда появлялись хорошие фильмы, которые показывали проблемы этих женщин – например, фильм Глеба Панфилова «Прошу слово».

Журналы «Работница» и «Крестьянка» - по-своему замечательные издания, когда-то они были прорывными, революционными. Но в позднесоветское время их невероятные тиражи – 20-25 миллионов экземпляров – определялись в основном тем, что в «Работнице» печатались

выкройки, в «Крестьянке» - полезные советы и замечательные рецепты «от Марии Ивановны», которые создавал известный журналист-мужчина, ставший потом политическим обозревателем журнала «Огонек».

Меня, в то время молодую и незамужнюю журналистку, в газете «Комсомольская правда» направили руководить Клубом молодой семьи. Нас таких было несколько, и мы вели этот Клуб, потом благополучно выходили замуж и шли в декрет. Но мы были очень горды, что можем что-то революционное сделать. Так, я провела первое в Советском Союзе интервью с сексологом из города Вильнюса.

Интересно было рассказать о девушке, которая, конечно, учится, но хочет посвятить себя семье и детям. Это было революционно! И старшим нашим товарищам, прекрасным журналистам, многие из которых потом стали архитекторами перестройки, это было очень близко... В «Литературной газете» писали о том, что женщина – это любовница, и она должна создавать мужу хорошие условия.

В литературе, в том числе в литературе для молодежи, сексизм процветал. Про аборты популярные тогда авторы писали так: советская женщина лучше всех остальных, поскольку она, «чтобы не лишать мужчину удовольствия, готова делать аборт». Эта прямая цитата. Так писали воспитатели молодежи... Это тиражировалось, западало в сознание.

Если же говорить про альтернативу, про отторжение советского опыта, то тогдашняя советская городская проза представляла читателям образ девушки, лишенный всякого общественного содержания и пафоса. Мой любимый пример – культовая повесть Василия Аксенова «Затоваренная бочкотара», где героиня изъясняется исключительно междометиями.

У писателей - деревенщиков был другой образ - монументальная, традиционная баба, носительница традиций. Она близка природе. Есть прекрасная повесть Василия Белова «Привычное дело», где жена героя

повести Катерина помещена в один метафорический ряд с коровой Рогулей, и одновременно с ней погибает.

То есть это был альтернативный ответ советской пропаганде, читатели его прекрасно понимали и живо обсуждали.

В условиях жизни за «железным занавесом» мы были отторгнуты не только от международной практики, но и от своей собственной истории. Действительно, почти никто не знал, что в России до революции было потрясающее женское движение и русский феминизм, не менее интересный, чем феминизм Жорж Санд. Что в советское время был религиозный русский феминизм, который на Западе совершенно не поняли. И Татьяна Горичева очень интересно об этом писала. Но этого не приняли диссиденты, которые считали, что это не их повестка дня.

А когда деятельниц этого направления Татьяну Горичеву, Наталью Малаховскую и Татьяну Мамонову выслали из России, оказалось, что для западных феминисток они были слишком экзотичны - особенно в связи с православием, что никак не укладывалось в рамки.

В России были удивительные политические деятельницы, как например, Ариадна Тыркова, - а не только Александра Коллонтай. При этом о Коллонтай рассказывали разные сомнительные истории, прогрессивные издания изощрялись в том, как бы ее пнуть лишний раз, потому что она была символом ненавистной им советской концепции женского равенства.

Ариадна Тыркова была либералкой. Она говорила, что либерализм без участия женщин невозможен, так же, как он невозможен без женского нарратива. Но никто из архитекторов Перестройки про это не думал. Это опять не входило в повестку дня.

Можно в самых общих чертах представить эволюцию идеального женского образа в нашей истории XX века. В советской модели женщина существовала для государства. Ее образ соединялся не с образом мужчины, а с монументальным образом государства.

В годы застоя возник альтернативный образ – женщина для частной жизни, или для мужчины.

В постсоветской России женщина стала потребительницей: она сделалась символом культуры потребления, что было с радостью встречено освобождающейся прессой.

После газеты «Комсомольская правда» я работала в журнале «Огонек», которым руководил Виталий Коротича. В годы Перестройки стали писать про сексиндустрию, про нетрадиционную ориентацию – все хотели читать, то, что раньше было запрещено.

Про домашнее насилие не печатали очень долго, потому что считали, что это вообще не тема. А когда мы стали писать про женское движение, то в редколлегии возникла большая дискуссия. К счастью, главный редактор встретил тему с пониманием, и все получилось.

Хочу специально подчеркнуть роль средств массовой информации в том, почему возникли такие трудности на пути женского движения и гендерных исследований, почему сразу началось и усиливалось отторжение феминизма. Корни этого в том, что в обществе утвердилось понимание роли женщины вне общественной, публичной жизни. Когда в нашей стране появилась относительная свобода прессы, десятки тысяч женщин обращались в СМИ и писали о том, что они хотели бы больше времени быть дома, с детьми, а не ходить на службу.

Когда в начале 90-х годов я писала в «Огоньке» про безработицу с женским лицом, было уже понятно, что руководители (и мужчины, и женщины) исходили из представления: пусть у нее два образования, пусть она высоко квалифицированный работник, но будет лучше, если она уйдет с работы и займется детьми. А мужчину нельзя уволить - ему надо семью кормить. Так стереотипы руководят решениями людей.

Это происходило на наших глазах и нуждается в осмыслении. Мне кажется, что мы должны и можем все это сделать.

И.И. Юкина (реплика).

Мы сегодня проводим встречу в Клубе Раисы Максимовны. Я рассказываю о проекте, который был в нашем Петербургском женском Клубе. На прошедшей неделе меня пригласил студенческий женский Клуб «Спичка» в Высшей школе экономики тоже поговорить о женской истории. Они интересно работают.

Но я уже давно чувствую, что существует поколенческий разрыв и он большой. Как-то ко мне подошел студент и сказал: знаете, Ирина Игоревна, есть такие гендерные исследования. Вы в курсе? Я говорю: да, я в курсе...

«Перестройка изменила условия рекрутирования женщин в качестве политических акторов».

Е.Ю. Рождественская, доктор социологических наук, НИУ Высшая школа экономики .

В рамках темы сегодняшнего Круглого стола я расскажу об исследовании, которое мы провели на стыке 2000-х. Этот проект – часть общего проекта «Устная история и биография женских взглядов». Соисполнителями этой части проекта были Эльвира Новикова, к сожалению, ушедшая, и Нина Карева. Нашей целью было сравнить биографии и политические, экспертные карьеры респонденток, которые состоялись в советское время и в переходное. Это очень интересная социальная группа – женщины-политики, профсоюзные деятельницы, активистки НПО, эксперты.

Мы провели 19 биографических нарративных интервью: здесь и Союз женщин России, и Департамент кадровой и социальной политики, и женское объединение «Равенство и мир». Поэтесса и писательница Васильева, Гребешева – «Планирование семьи» - Российская ассоциация, Гордеева, Завадская, Есенина, Сивочалова, Крылова – редактор журнала «Работница», Римашевская, Семенова, Староходова, Хакамада, Череватенко, Ярыгина. То

есть это и представительницы и старшего советского поколения, и последующего.

Мы применили биографическое нарративное, полуструктурированное интервьюирование. Конечно, начинали с вопросов о том, как строилась жизнь, какие пути выбирались, благодаря каким социальным ресурсам складывался этот тип активной деятельности - и, соответственно, жизненные ориентиры, принципы, ценности в этих семьях в советское время,

Например, есть контраст между получившими образованиями дочерьми и крестьянским статусом родителей, которые выталкивали дочерей из гнезда, настраивали на восходящую социальную мобильность, причем в позитивном плане. Например, отец Бирюковой, уходя на фронт, наставляет мать – обеспечить все условия: «делай что хочешь, хоть корову продай и дом (какая цена высокая), но дети должны учиться». А сам-то имел четыре класса церковно-приходской школы.

Этот контраст и разрыв, когда родители вкладывают все ресурсы, чтобы дети, покинув дом, сделали карьеру, нацеливали на восхождение социальной мобильности. Но при этом, осознавая или не осознавая, закладывали социально-культурное различие - то есть родители и дети будут в культурном плане чужими друг другу. Обратите внимание: какая высокая цена...

Поэтому, конечно, выбор такой жизненной стратегии теми, кто родился до или после войны, определялся такой традиционной ценностью как *бытие для других*. Это типично женский сценарий, с точки зрения патриархатной логики. А молодые, молодое поколение осваивали совершенно другой сюжет: *бытие, в том числе, для себя, карьера, которую можно себе позволить*. И в самом языке рассказа о своей жизни у первого поколения звучит: «меня позвали», «мне позвонили», «меня вызвали», «мне сказали». То есть субъектность - Я - еще не вылупляется. Даже как-то стыдно признаться, что этого хочешь. А, по сути дела, они (старшие) этого хотели.

Но реабилитировать эту свою, скажем так, амбициозность еще не могли. А поколение спустя – да, ценность карьеры, самореализация, субъектность – уже можно себе позволить. И в этом, конечно, очень резкий контраст между поколениями.

Из интервью мы узнаем эти биографические импульсы, которые не только были позитивными, но были и негативными - сложными. Например, непростой опыт Сивочаловой в семье, когда отец стал жертвой сталинских репрессий, а дочь взяла на себя всю тяжесть существования в семье с таким обвинением. И это, конечно, говоря сегодняшними словами, «пережить смерч».

В интервью возникают картины трудностей в семьях военных, переживших опыт фронта и психологические последствия участия в войне (в семьях Семеновой и Гребешевой). Или пример тяжелого опыта отношений с пьющим отчимом (у Череватенко). Поэтому стремление покинуть семью – это в том числе не только, будучи поддержанной (как у Бирюковой) и получив образование, рвануть наверх по карьерной лестнице, но и возможность уйти от того быта, который сложен и унизителен.

Таким образом, в этом процессе жизненного восхождения участвует и негативный импульс...

На плечи наших респонденток, детство которых пришлось на трудные послевоенные годы, легла задача исполнить непрожитое и неосуществленное родителями. То есть они несли в себе, так сказать, родительский проект: сначала они должны были отыграть эту задачу, а потом перейти к выполнению своей собственной - чаще всего в виде стремления к получению высшего образования (так было у Римашевской, у Бирюковой). То есть образование являлось основным социальным капиталом, который дает пропуск в мир неограниченных возможностей.

А следующее поколение (Есенина, Ярыгина, Бессолова) – уже ориентируется на достигших определенного успеха и социального статуса

родителей, их положительный социальный пример. Но он заставляет их, тем не менее, все время держать этот фокус сравнения («отец-то был такой высокий, так много достиг, а я все еще никак не перекрою его достижения»). И поэтому происходит соревнование с родительским социальным капиталом - соревнование длиной в жизнь.

В случае Есениной мы видим такой образ, как обещание отцу, основанное на привязанности к нему. В то же время у Ярыгиной, Хакамады, Бережной, Бессоловой это трансформируется в оправдание собственной достигнутой позиции.

Какое у них было отношение к карьере? Когда речь заходит о статусных изменениях в жизни наших респонденток советского поколения, они никогда не говорят о своих карьерных устремлениях. Они их как бы не обнаруживают. Хотя на самом деле их биографический старт придает им какую-то невероятную амбициозность. Они решают и в позитивном и негативном ключе проблемы, которые идут из родительской семьи, но тем не менее они не разрешают себе разговор о карьере, ее этапах, ее целях – этот дискурс еще не сложился.

Соответственно, у старшего поколения было непопулярно демонстративное отстаивание личных, карьерных стратегий. А с другой стороны, для них сыграли очень важную, экзистенциальную роль в поддержке их карьерных продвижений государственные институты - такие, которые для последующего поколения уже утрачивали свое значение. Эти институты - парткомы, профкомы, цензура. Их умение лавировать, умение умалчивать, вообще молчание как стиль поведения, способность слышать недосказанное, освоение эзопова языка, конформизм, уступки и жертвы – это искусство, полученное в тех коридорах. Это высокое искусство. Оно создавало успешные стратегии тогда, когда надо было избежать карательных санкций со стороны тех же государственных институтов.

Вообще институциональные рамки очень важны для этого разговора. Карьера реализуется в определенных рамках. Наиболее значимой женской организацией советского периода являлся Комитет советских женщин. В нем работали сразу несколько участниц нашего проекта. Это позволяет описывать изнутри стратегии, которые там реализовывались. Публичной деятельности соответствует деятельность сотрудниц Комитета советских женщин как представительниц советского государства и прежде всего их позиционирование на международной арене. Речь идет о тех же, упомянутых уже сегодня, международных конгрессах женщин, где статусные советские женщины участвовали наряду с женщинами из других стран. А менее значимый публичный уровень – это их работа как представительниц собственно женской организации.

Эти два уровня перетекают один в другой, подпитывают друг друга, но тем не менее составляют два разных социальных слоя: один – более престижный, другой – менее престижный. Впоследствии, накопленные капиталы на втором, более низком уровне, сыграют свою интересную роль.

Вообще сотрудничать с Комитетом советских женщин было престижно - открывался доступ к новым возможностям, в том числе выезду за рубеж. В ситуации «железного занавеса» это было очень важным знаком социального престижа. В то же время работа на низовом уровне помогала приобрести компетенции, знания, которые затем можно было конвертировать в работу в других организациях и других видах деятельности, как сообщали нам Гордеева и Завадская. И, соответственно, этот вид деятельности сыграл заметную роль впоследствии.

С распадом СССР разрушалась система госконтроля над деятельностью этих организаций, которые теперь были вынуждены искать финансирование. Они осваивали самостоятельность работы, опадали цензурные и идеологические шоры, хотя, естественно, они не исчезали полностью.

Не все оказались готовы к подобной смене общего контекста. Многие проекты, которые тогда затевались, остались на обочине. Основной проблемой стали деньги - их непостоянство и разнообразие финансирования привело к созданию небольших организаций со своей специализацией на рынке образовательных и просветительских услуг, которые были ориентированы на вполне конкретный результат.

Соответственно, потенциал деятельности наших респонденток вынужден был дробиться на политику малых дел, а в крайнем и редком случае втягивал их в бизнес.

Завершающий сюжет – это выход на политическую арену. Возникли новые обстоятельства, когда Перестройка изменила условия их рекрутирования в качестве политических акторов. Многие из них не догадывались, кто их вытащил наверх, что такое конкуренция и какая у нее глубина. Часто это было невозможно понять.

В горбачевский период политика введения женщин в высший эшелон власти как составляющей демократических реформ обеспечила успех многим нашим респонденткам. Но некоторые из них капитулировали, когда началась жесткая конкуренция, которая требовала наличия финансирования приобретения новых навыков, связей, компетенций. Татьяна Ярыгина и Ирина Хакамада – наиболее яркие примеры подобной политической карьеры.

Тем не менее, как следует из интервью с теми же пришедшими в политику Ярыгиной и Хакамадой, обладавшими экспертными знаниями, получившими хорошее образование и обладавшими навыками публичной деятельности, этого оказалось недостаточно для работы в Государственной Думе. Выйти на уровень принятия решений в большой политике по большому счету им так и не удалось. Причины этого, в целом, понятны.

Заканчивая выступление, хочу вернуться к тому, что мы обсуждали на нашем прошлом заседании [«Новая эпоха в женских исследованиях и активизме»](#) - к вопросу об архиве. Алейда Ассман – известный социолог и

историк, занимающаяся культурной памятью, делала разные акценты на понятиях канона и архива. Сам по себе архив – это застывшая экспозиция. Но канон, который формируется на этой основе, и ценности, которые закодированы в архивных материалах, можно реставрировать, когда речь идет о старых коллекциях, или выявлять, собирая новые коллекции. Потому что время уходит, это очень важный момент. Хотелось бы обсудить его отдельно.

О.М. Здравомыслова. Спасибо, Елена. Как всегда, вы представили основные тезисы профессионально проведенного вами исследования, которое, безусловно, дополняет и развивает тему нашего разговора. Это очень ценно.

«Миф о равноправии женщин в СССР тормозил наше понимание стратегических целей и задач женского движения».

Л.В. Штылева, кандидат педагогических наук (Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО) активистка женского движения (Конгресс женщин Кольского полуострова, г. Мурманск).

Хочу выделить прозвучавшую сегодня мысль, что будущее определяется соотношением нашего прошлого и нашего сегодня. Еще одна важная мысль, которая меня направляет, была сказана Анной Темкиной давно, в 90-х годах, когда мы с ней обсуждали проблемы женского движения, мотивы активисток и т.д. Я тогда все время твердила: женщины, женщины, а Анна мне сказала: нет *женщин вообще*. Есть конкретные женщины в конкретное время, конкретного возраста, социального положения и т.д. И я всегда из этого исхожу.

В своем выступлении я буду говорить о том, с чего мы стартовали, какие мы были к концу 80-х годов. Мы - те, кто был в женском движении в

90-х, кто был активен на местах. Покажу это на примере конкретного региона - Мурманской области.

Наша область очень компактная, и к концу 80-х годов она была одной из самых развитых и благополучных с точки зрения качества жизни населения и уровня жизни населения. В это время численность гражданского населения Мурманской области была более миллиона человек. (Сейчас примерно в половину меньше). За скобками остается численность населения в воинских частях, поскольку эта часть не подлежит оглашению.

Самое быстрое развитие Мурманская область получила в послевоенные годы, именно в 50-е и 80-е.

Женское население составляло больше 50 процентов при всем сырьевом характере нашей промышленности, тем не менее 50,2 процента. Половина всего женского населения, даже больше, была занята в народном хозяйстве - работали в самых разных отраслях, в том числе 60 процентов среди тех, кто был занят в промышленности и сельском хозяйстве, хотя сельское хозяйство для Мурманской области – не показатель. У нас его очень мало в силу природных особенностей.

Среди всех занятых во всех отраслях производства более 60 процентов были женщины с высшим и средним специальным образованием. Эта интенция – быть образованной, стремиться, достигать, выстраивать профессиональную стратегию. О карьере тогда не говорили, но говорили о достижениях - о «движении вверх». Это было типично для Мурманской области, для ее женского населения. Тем более, что шла очень специфическая селекция. В Мурманскую область в 50-е годы направлялись по распределению специалисты, выпускники высших учебных заведений столичных городов – Санкт-Петербурга и Москвы. В Апатитах был создан Кольский научный центр, часть научного центра Академии наук СССР. Все это в значительной степени повышало уровень образованности людей, которые приезжали на Кольский полуостров.

Понятно, что было очень много людей, которые приезжали просто за заработком. Для понимания: почему в наш регион стремились, и почему мы говорим, что в нем было достаточно благополучное положение практически до конца 80-х годов? Потому что за одну и ту же работу, выполняемую, например, в средней полосе или в южной полосе России и на территории Мурманской области, мурманчанин зарабатывал на 120 процентов больше. Если заработная плата учителя начальной школы, например, в Тверской области была 80 рублей, то в Мурманской области любой учитель начальной школы получал $80+120$, то есть практически 200 рублей. 80 процентов составляли полярные надбавки. Они накапливались в течение трех лет алгебраическим образом. И 40 процентов составлял районный коэффициент, который выплачивался сразу, как только человек приступал к работе по договору на Кольском полуострове.

Конечно, значительная часть женщин работали в тех сферах, которые мы относим к нематериальным: народное образование, культура, спорт и т.п. Вдобавок ко всему средний возраст женщин, занятых во всех отраслях производства народного хозяйства, был достаточно молодой. То есть средний возраст составлял 32 года. Таким образом, молодые, сильные, умные, образованные – это портрет женщин, занятых в народном хозяйстве Мурманской области к концу 80-х годов. Это и мой портрет тоже: в конце 80-х годов работала преподавателем в школе.

В то же время, по данным статистики, несмотря на мощную трудовую занятость женщин в народном хозяйстве, они были очень слабо, чтобы не сказать, ничтожно - представлены на уровне управления и руководства во всех отраслях, включая те, в которых женщины составляли абсолютное большинство – т.е. в образовании, культуре, науке, спорте и т.д.

В статистике отразился медленный рост квалификации женщин. То есть, например, в течение 1989 года только 22 процента женщин рабочих специальностей повысили свою квалификацию, по другим отраслям 37

процентов, а все остальные проценты относятся к мужчинам в рабочих и других профессиях. То есть у мужчин, в отличие от женщин, было время и возможность повышать свою квалификацию и свой статус на предприятиях.

Чем объясняется торможение профессионального и карьерного роста женщин? Прежде всего, их семейными обязанностями, связанными с деторождением и уходом за детьми, неустроенностью быта и несовершенством системы общественной поддержки семей с детьми. Например, дети часто болели: Север, в общем, не располагает к здоровью и благополучию, и полярки (северные надбавки) - плата за потерянное здоровье. Потери рабочего времени, связанные с уходом за детьми, составляли только в 1989 году 1 тыс.499,1 человеко-дней. То есть по этой причине ежедневно не работали 4 тыс.100 женщин.

Также, по оценке Росстата, на структуре женской занятости сказывалась недостаточная обеспеченность семей бытовой техникой. Например, по данным бюджетного обследования, из каждых 100 семей две семьи не имели холодильника. При высоких доходах и возможности покупать 18 семей из 100 – не имели стиральных машин, 31 семья – швейных машин, 17 – пылесосов. В итоге если рабочая неделя женщины на производстве в соответствии с законодательством была лишь на 4,6 часа меньше, чем у мужчины, то фактические затраты времени женщины на ведение домашнего хозяйства составляли 59,6 часа по сравнению с 28,4 часа у мужчин.

Несмотря на специальные меры, предпринятые для женщин по законодательству, которое ограждало от вредных и опасных работ, была очень большая доля женщин, занятых на вредных, тяжелых и трудных работах. Несмотря на это, опросы показывали, что эти женщины предпочитали работать, а не оставаться дома в силу разных причин. У этих женщин была потребность в самореализации и конечно, потребность в

материальном достатке, потому что даже на Севере на одну зарплату семья прожить не могла - необходимо было иметь две зарплаты.

Таким образом, мы видим, что по факту даже в благополучные 80-е годы сохранялось фактическое неравенство между женщинами и мужчинами, которое выражалось в профессиональной сегрегации, в том, что женщины и мужчины были неравномерно распределены по отраслям, особенно в тех отраслях, где работа оплачивалась выше.

Помимо производственной активности женщины были также активны в общественной работе. Их представленность среди народных депутатов разных уровней была очень высокой - ни до того, ни после того женщины не были так представлены в избираемых органах власти. Однако требования к женщинам и мужчинам, которых партийный ценз пропускал в эти органы, были разные. И в результате в представительных органах власти оказывались женщины, обладавшие меньшим образовательным капиталом, меньшим опытом и авторитетом, чем мужчины.

Как показали исследования, эти женщины редко выступали от своего имени и вообще редко выступали по вопросам, которые касались женской повседневности, улучшения жизни, быта женщин, семьи. В итоге оказывалось, что женское представительство в избранных органах власти не влияло на качество жизни женщин в регионе.

Есть очень интересный показатель того, как оценивался вклад женщин в общественную жизнь региона – это количество получивших региональные награды, такие, как Почетный гражданин Мурманской области. Из 35 награжденных этим званием, после получения которого полагаются определенные, хотя бы и небольшие льготы, была только одна женщина и 34 мужчины. Среди Почетных граждан города-героя Мурманска, по данным за 1974-1985 гг., соотношение одна к девяти – т.е. на одну награжденную женщину приходится 9 награжденных мужчин.

Таким образом, накануне перестройки и в первые ее годы женщины составляли больше половины населения из всех занятых в народном хозяйстве. Они вносили большой вклад в развитие народного хозяйства, в общественную жизнь, культуру. Но во всех отраслях народного хозяйства, включая те, где женщины составляли большинство, они нередко трудились на нижеоплачиваемых и менее статусных должностях, тратили вдвое больше времени на домашнее хозяйство и уход за детьми, нежели мужчины. И несмотря на активное участие в экономике и общественной жизни, женщины были заметно недопредставлены в органах власти, партийной номенклатуре, особенно на тех уровнях, на которых принимались решения.

Все это мы, женщины, смогли понять и оценить значительно позже – в 90-х годах, когда благодаря участию в женском движении, просвещению, которое велось среди участниц женского движения, мы овладели необходимыми знаниями и смогли оценить свое положение иначе. Это нас сильно озадачило и поколебало предыдущую уверенность в том, что мы действительно равноправны, как это утверждала советская пропаганда.

В том-то все и дело, что раньше мы этого не понимали. Мы реально исходили из того, что существует равноправие мужчин и женщин. И поэтому, втягиваясь в активность женских организаций в 90ые годы, мы на самом деле не видели цели. Мы понимали, что что-то делается не так, мы не соглашались с тем, как ведутся изменения. Мы видели, что происходит национальная катастрофа, разграбление, уничтожение производства, когда на заводах в Мурманске резались подводные лодки под наблюдением американских чиновников, когда у нас куда-то исчезли суда, а рыба, которая у нас добывалась и стоила копейки и у нас, и по всей стране, - стала дорожать. Когда рушились предприятия, сельское хозяйство, замечательные комбинаты, где выращивались огурцы и меховые фермы, где выращивались писцы, норки. Все вдруг стало нерентабельным.

Мы понимали, что это неправильно. Но мы не понимали, что в начале, что в конце. И поэтому мы очень много сил тратили на те самые небольшие дела - то есть масса сил и времени уходила у нас на попытки залатать социальные дыры, как-то вернуть хотя бы то благополучие, которое у нас было.

Миф о равноправии женщин в СССР тормозил наше понимание стратегических целей и задач женского движения, отвлекал внимание на решение множества социальных проблем, которые являлись фактическим следствием того, что мы, женщины, не были допущены к решению главных вопросов - о том, как проводить изменения, как проводить реформы в нашей стране. А эти решения определяли качество нашей жизни, и в нашей Мурманской области, и в стране в целом.

Деятельность первых женских организаций, ориентированная на стратегию малых добрых дел, пожирала наши силы, нашу энергию. Но, к сожалению, все наши добрые дела, как показала жизнь, быстро забывались и обесценивались. Практически они «не монетизировались», если можно так сказать, в голоса избирателей на местных и федеральных выборах. То есть не работали на достижение главной цели – повышение статуса женщины в регионе, стране и уверенный выход женщин на уровень принятия решений.

Почему это произошло, как это происходило - проблема, которая требует исследования и решения.

Н.И. Ажгихина. Спасибо большое. Вы Любовь, сделали много сделали публикаций. Я помню и нашу первую беседу в газете о том, как вы работаете. Вы все-таки подтолкнули очень многих к пониманию сложности комплекса проблем, связанных с женским движением. И конечно, опыт Конгресса женщин Кольского полуострова бесценен. Я помню, что было несколько тысяч женщин-участниц Конгресса, и он остается важной страницей в истории российского женского движения.

«Работа женщин в политике сложна и часто опасна. Тем не менее, такие женщины есть. Они мужественно продолжают свой путь».

Е.Б. Власова, руководительница управления партийного строительства партии «Яблоко»

Обращаясь к периоду Перестройки, невозможно не вспомнить, с чего все начиналось еще до формирования политических партий. Это женсоветы, про которые здесь упоминалось, и их большая роль в дальнейшем становлении, превращение и трансформация в женское движение и женские организации. И сами женские организации как таковые.

Безусловно, женсоветы занимались сугубо практически решением социальных точечных вопросов. А женские организации, которые сразу стали формироваться во времена Перестройки, все-таки были более независимыми от государства, чем женсоветы, и занимались уже вопросами более масштабного характера: защита прав женщин, выравнивание прав женщин и мужчин и т.д.

Говоря о начале политического движения как такового и формировании партии, невозможно не вспомнить, что в 90-е годы началось формирование партий, в том числе и женских. Начался приход большого числа женщин в политические партии. Мы все наблюдали этот процесс на телеэкранах. Тогда большой популярностью стала пользоваться политика, возник острый интерес к ярким политическим деятелям того времени - и среди них стали появляться женщины.

Мы не можем не вспомнить самых известных женщин-политиков того времени - Валерию Новодворскую, Галину Старовойтову, Ирину Хакамаду. При создании партий происходило то же самое - женщины приходили в партию. На примере «Яблока» могу сказать, что с самого начала формирования партии женщин стояли у истоков многих ее региональных организаций, формировали их. Сейчас женщины находятся в руководстве партии, являются лидерами целого ряда ее региональных организаций.

Нельзя не упомянуть о том, что партия «Яблоко» была единственной, где начали последовательно заниматься гендерной политикой и гендерными вопросами.

К большому сожалению, ровно месяц, как мы простились с нашей дорогой подругой, коллегой – Галиной Михайловной Михалевой, которая в прошлом году выступала здесь, в Клубе Раисы Максимовны. Галина Михайловна была основательницей гендерного направления в «Яблоке» и одним из общепризнанных лидеров этого направления в России.

Галина Михайловна была очень ярким человеком. Она была профессором РГГУ, немецких, швейцарских университетов. У нее было множество публикаций, прежде всего по тому вопросу, о котором мы говорим. Более 300 работ и монографий, и книг. Она не всегда находила поддержку, даже в своей партии поначалу - мы повсеместно сталкивались и в жизни, и даже в партии с тем, что люди не всегда понимали важность этих вопросов. Но несмотря на усмешки, улыбки, замалчивание и переключение на совершенно другие вопросы, Галина Михалева продолжала отстаивать свою позицию. Она не представляла себе существования гражданского общества, где не решены вопросы прав женщин и мужчин.

Несколько слов о других активных, неординарных женщинах партии «Яблоко», прежде всего, потому что очень редко можно услышать о них вне партии. Необходимо признать, что они играют огромную роль в становлении и развитии региональных отделений «Яблока» и в современной политике в целом. Хотя, конечно, СМИ достаточно редко рассказывают об их работе...

Скажу об Анне Черепановой – заместителе Председателя партии «Яблоко», заместителе Николая Рыбакова. Она из Новгорода, депутат Новгородской Думы, множество раз принимала участие в различных выборах самого разного уровня, в том числе губернаторских, и побеждала в конкурсе на должность мэра города Великого Новгорода. Она руководит

фракцией «Яблоко» в Новгородской Думе. Можно долго рассказывать об Анне. Она, безусловно, незаурядная личность.

Еще одна женщина в политике и в «Яблоке» - Татьяна Пчелкина из Оренбургской области. Она председатель, лидер Оренбургского «Яблока». В прошлом году, как вы помните, было сильнейшее наводнение в Оренбургской области. И Татьяна Пчелкина была единственная, кто возглавил штаб волонтеров, созданный на базе нашей региональной организации. Она собирала деньги, причем в достаточно больших объемах – у нее это получалось. Подключились волонтеры из других организаций. Она формировала наборы для людей, лишившихся дома - пищевые наборы, наборы вещей. Она день и ночь занималась этой работой в течение двух месяцев, без выходных, ее работа как представительницы «Яблока» стала известна в Оренбургской области и за ее пределами. Ей удалось сделать очень многое, чтобы помочь людям в их беде.

Работа женщин в политике сложна и часто опасна. Тем не менее, такие женщины есть. Они мужественно продолжают свой путь. И надеюсь, мы еще не раз будем говорить о них.

«В вопросе гендерного равенства речь идет о преодолении стереотипов».

П.М. Кудюкин, общественный деятель, член гендерной комиссии Общероссийского объединения профсоюзов - Конфедерации труда России.

В течение последних полутора десятилетий в международном профсоюзном движении определилась тенденция - внимание к проблемам гендерного равенства и привлечения женщин в профсоюзы. Причем, я подчеркиваю, не просто равноправия, а именно равенства. Поскольку мы знаем, что формальное обеспечение равенства прав еще не дает реального равенства в жизни, и в общественной жизни в том числе.

Комиссия по гендерному равенству в Конфедерации труда России была создана не так давно - по решению предпоследнего нашего съезда, шесть лет назад. Комиссия включает в себя представителей различных секторальных профсоюзов, членских организаций Конфедерации. Причем установка руководства Конфедерации и координатора Комиссии Ирины Дмитриевны Горшковой состоит в том, чтобы в нее входили и женщины, и мужчины. Поскольку, подчеркиваю, это Комиссия по гендерному равенству, а не только по женскому вопросу.

Одним из первых серьезных вопросов в деятельности Комиссии, стала проблема работников с семейными обязанностями. Речь идет о выравнивании нагрузки вне работы, создании разумного баланса работы и повседневной жизни, в том числе жизни в семье. Конечно, численность членов профсоюза зависит от гендерного состава соответствующих отраслей, но даже в женских отраслях есть некоторый перекос в сторону мужчин, которые более активны в профсоюзной деятельности. Они в большей мере представлены в руководящих органах. И это тоже проблема.

Но давайте представим: идет профсоюзное мероприятие. Если мужчина – профсоюзный активист или член руководящего органа, на кого он оставляет детей? - На жену. Если женщина – активистка, на кого она оставит детей? – Это вопрос. Бабушки сейчас очень часто работающие, и не у всех они есть. Действительно, встает вопрос – а не заняться ли нам при организации профсоюзных мероприятий тем, чтобы женщины или мужчины могли приезжать вместе с детьми, чтобы для детей было организованы какие-то занятия, игры и т.д. во время мероприятия?

Здесь сразу возникает, конечно, тема гендерных квот. Конечно, гендерные квоты – это костыль, это показатель того, что мы системно не решаем проблему равенства. Но костыль – тоже нужная вещь. Если человек – инвалид, или общество не вполне здорово, иногда костыль тоже нужен. Квоты – тот самый костыль.

Ясно, что надо работать более системно, на перспективу, чтобы действительно можно было обходиться без квоты, чтобы гендерное равенство и гендерный баланс обеспечивались более естественным путем. Однако понятно, что так сразу это не решается.

Проблема гендерной чувствительности есть даже в языке профсоюзных документов - чтобы хотя бы элементарно мы привыкали говорить: работники и работницы, поскольку участвуют в общественном производстве и работают в профсоюзах и женщины, и мужчины. Действительно, речь идет о преодолении стереотипов.

С какими трудностями мы встречаемся? Я представляю в Комиссии профсоюз «Университетская солидарность» объединяющий работников высшего образования. Когда в Ивановском государственном университете у нас возникла первичная организации, в ее создании сыграла весьма активную роль хорошо здесь известная Ольга Вадимовна Шнырова. Организация столкнулась с бездумным сопротивлением администрации, которая писала доносы в самые разные органы. Например, поступил донос в Генпрокуратуру о том, что активистка профсоюзной организации возглавляет Ивановский центр гендерных исследований, а гендерные исследования – это «экстремизм, потому что возбуждают борьбу женщин против мужчин»... Понятно, что работодатели зачастую готовы использовать любую аргументацию для борьбы с реальным независимым профсоюзом. Но в данном случае, это был, конечно, абсурдный аргумент.

Еще раз повторю: проблем много. Очень трудно преодолевать предрассудки, стереотипы. Но это важная часть профсоюзной работы.

Более половины работающих в России – это женщины. Во многих отраслях, прежде всего в социальной сфере, вообще основная часть работников - женщины. Если говорить о сфере высшего образования, то в принципе, более 70 процентов профессорско-преподавательского состава – женщины. Но если сравним удельный вес женщин по разным должностным

уровням, то увидим: В основном, удельный вес женщин гораздо выше среднего удельного веса - среди преподавателей и старших преподавателей. На уровне доцентов – удельный вес женщин уже существенно ниже среднего, среди профессоров – еще ниже. Правда небольшой парадокс: вдруг резко повышается доля женщин среди заведующих кафедрами. Потому что это «слуга двух господ»: и указания начальства надо выполнять, и учитывать интересы коллег тоже надо. Это одна из самых сложных должностей в системе высшего образования – и именно здесь удельный вес женщин резко повышается.

О.М. Здравомыслова. Между прочим, Павел Михайлович, я не воспроизведу сейчас буквально цитату, но у Карла Маркса в «Капитале» есть замечание, что мужчины любят сваливать на женщин самые тяжелые работы. Так что на самом деле, проблемы, о которых вы говорите, очень глубоко сидят. И, конечно, чрезвычайно важно, что в Конфедерации труда России есть гендерная Комиссия, которая занимается вопросами равенства работающих мужчин и женщин. То, насколько сложны эти вопросы, очевидно, и в России они имеют длинную историю понимания и исследований.

В нашем сегодняшнем обсуждении в Клубе возник очень важный вопрос о равенстве и равноправии в Советском Союзе, и о том как это понимали сами советские женщины. Как раз об этом - случай женской карьеры в обкоме КПСС из проекта Устной истории женщин (руководитель – Н.Л. Пушкарква), о котором расскажет социолог Александр Жидченко.

***«Она работала для страны, для региона, для города, для людей»:
карьера женщины в советской партийной элите.***

А.В. Жидченко, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

В центре моего внимания как исследователя - биографии женщин, которые строили новые города Советского Союза, появившиеся на этапе послевоенной индустриализации в 50-60-е годы. Были проанализированы 80 глубинных автобиографических интервью женщин работниц, а если это наукограды, то женщин - ученых, работавших в смежных специальностях, в разных отраслях.

Во всем этом спектре воспоминаний есть одна-единственная биография женщины, которой удалось сделать партийную карьеру, причем добраться до обкома КПСС в Омске - руководящего центра всего региона в советское время. Эта женщина - Людмила Павловна Одинцова.

Она родилась в 1937 году в Уфе. И с Омском ее жизнь не могла быть никак связана. Еще в школе ей пришлось совмещать учебу в старших классах с работой кондуктором на Уфимском заводе, параллельно учиться в вечерней школе завода. И когда в 1956 году был объявлен призыв комсомольцам из традиционных нефтяных районов, как Башкирия, ехать в новые нефтяные районы (тогда строился Омский нефтеперерабатывающий завод) - по этому призыву Людмила Павловна Одинцова отправилась в Омск. По ее воспоминаниям, 700 человек ехали в одном пассажирском поезде и по прибытии Омск, разместились в палатках. Потом им дали комнаты в бараках, где жили по 20 девушек. Первая работа, которую ей доверили, - это рыть кювет для будущего троллейбуса на будущем Проспекте мира Омского городка нефтяников. Там должны были быть троллейбусные столбы, и молодой девушке доверили лопатой рыть этот кювет.

Но после этого она пошла учиться на штукатур-моляра, работала в бригаде Коммунистического труда, и как ударнице производства ей дали отстающую женскую бригаду, которую она возглавила. Рассказывала она очень подробно: девушки любили выпить, покурить, работать не хотели, учиться тоже не хотели. Но уже через год эта бригада стала бригадой Коммунистического труда. Таких успехов ей удалось достичь. В 1959 году

Одинцова вступила в КПСС, в 1960 году в центре города ей вручил орден Ленина лично первый секретарь Омского обкома КПСС.

Ее наградили, а дальше у нее началось то самое совмещение работы и личной жизни - рождение ребенка и учеба в университете. Она совмещала сразу все роли: студентки, матери маленького ребенка, жены своего супруга, который тоже учился в университете в это время, хотя и заочно.

Потом ей доверили другие должности: сначала она работала зав.отделом по труду и заработной плате в строительном тресте. Стала зам.руководителя парткома и председателем профбюро строительного треста. И после этого она была уже на освобожденной должности парторга строительного треста, который курировал строительство Омского нефтезавода и всего жилого района при Омском нефтезаводе Омского городка нефтяников. Строительный трест – это много организаций: железобетонный завод, строительно-монтажные управления – их было целых шесть.

В этот период в ее биографии произошло знаменательное событие. Как она вспоминает, когда Первый секретарь Омского обкома (Сергей Иосифович Манякин) бывал в Москве в ЦК КПСС, на съездах, то ему в кулуарах говорили: «Сергей Иосифович, Омская область – такой замечательный регион, столько там аграрных районов, сельхозпродукции, и ни в одном из 32 районов Омской области нет ни одной женщины первого секретаря райкома. Когда Манякин вернулся в Омск, то посмотрел разные кандидатуры и решил пригласить именно Людмилу Павловну Одинцову на партийную работу и сделать ее первым секретарем Центрального райкома партии города Омска. Это произошло в 1974 году.

Он не дал ей сельский, аграрный район, потому что она всю жизнь занималась строительством. Он доверил ей самую большую партийную организацию города Омска и Омской области, в историческом центре Омска, и по населению в самом крупном, центральный районе - соответственно, там

было самое большое число членов партии, и сам Сергей Иосифович Манякин жил в Центральном районе и тоже относился к этому райкому.

Одинцова была на должности первого секретаря Центрального райкома более десяти лет.

В проекте «Устная история» есть фотоархив. Можно увидеть фотографии Одинцовой, начиная с ее студенческих лет, и более поздние фотографии. Например, как она работала, инспектировала стройки. Есть отдельные яркие эпизоды. Например, ее знакомство с композитором Родионом Щедриным, который в 70-е годы был депутатом Верховного Совета РСФСР от Центрального райкома города Омска. Он неоднократно прилетал в Омск, чтобы встретиться с избирателями. Одинцова его встречала. Он прилетал вместе со своей женой, знаменитой балериной Майей Плисецкой. По воспоминаниям Одинцовой, более близкое, доверительное общение получалось у нее не с Щедриным, а именно с Плисецкой. Одинцова уговорила их обоих выступить в Драматическом театре Омска. Это тоже было частью ее партийной, нелегкой, интересной работы.

В начале 1980-х годов Одинцова перешла на должность зам.председателя облисполкома по строительству. Она говорила, что партийный работник должен не просто быть руководителем, он должен досконально знать определенную отрасль - ту отрасль, которую он курирует. Для нее самой это всегда было строительство. Она знала все вопросы строительства, потому что начинала от самых низов и умела руководить именно этим. Поэтому в ее карьере это прослеживается.

Ее воспоминания отличаются от воспоминаний женщин, которые просто работали на разных предприятиях или работали в сфере торговли и услуг и т.д. тем, что ее рассказ пронизан ценностным подходом. В ее биографии всегда присутствует это ценностное основание: она работала для страны, для региона, для города, для людей. Это прослеживается очень четко.

В середине 80-х годов, когда началась Перестройка, Сергей Иосифович Манякин – первый секретарь Омского обкома – сделал ее секретарем обкома по идеологии. Как она сама говорит, была такая тенденция: в середине 80-х годов в очень многих регионах РСФСР, именно женщины занимали должность секретаря по идеологии в обкомах КПСС.

Когда в 1987 году, на этапе подъема Перестройки, Михаил Сергеевич Горбачев пригласил Сергея Иосифовича Манякина в Москву на должность Председателя Комитета народного контроля СССР, Манякин поставил Одинцову на должность руководителя Комитета народного контроля СССР в Омской области. На этой должности она работала вплоть до того времени, когда Комитет народного контроля был расформирован. (Б.Н. Ельцин в 1991-м или в 1992-м году издал Указ о расформировании Комитета народного контроля). На этом трудовая деятельность, и фактически, профессиональная карьера Людмилы Павловны Одинцовой завершилась.

Но и позже, в 1990-2000-е годы, она оставалась очень активной фигурой в регионе. Она возглавляли областной Совет ветеранов. Потом, когда уже областной Совет ветеранов ей стало возглавлять не по силам, она возглавляла городскую ячейку Совета .

В 2011 году состоялась моя с ней встреча. Надо сказать, что очень многие уговаривали ее написать воспоминания, мемуары о своей трудовой судьбе, свою биографию. Когда мы встречались, этого было не сделано. И даже сегодня, если искать в Интернете, никакой информации об Одинцовой нет. О ней есть небольшая статья в Энциклопедии Омской области, небольшая статья в Энциклопедии города Омска. Хотя, казалось бы, это женщина, которая сделали одну из выдающихся карьер. И в советский период истории в Омской области она, наверное, одна из редких политических фигур.

Мы говорим здесь об Омской области как об одном из многих регионов РСФСР. Наверняка есть похожие, даже аналогичные случаи в других

регионах. Но, безусловно, Людмила Павловна Одинцова – яркая, интересная, даже выдающаяся личность, биография которой пересекается историей нашего государства.

О.М. Здравомыслова. Спасибо, Александр. Есть вопрос: рассказывая свою историю, она что-то говорила о переживании неравенства, о дискриминации по отношению к ней?

А.В. Жидченко. Мне кажется, что она об этом задумывалась, но в воспоминаниях, – поскольку она человек партийный, дисциплинированный, до конца, конечно же, понимающий, что это может быть где-то опубликовано о неравенстве она ничего ни разу не сказала. Все-таки Манякин на нее опирался как на человека, которому он мог доверять. Как в свое время Никита Сергеевич Хрущев доверял Екатерине Алексеевне Фурцевой, и поэтому ввел ее в Президиум ЦК КПСС. И в биографии Одинцовой тоже есть подобные повороты судьбы. Именно повороты женской судьбы в партийной элите.

«В Перестройку началась женская литература».

С.В. Василенко, писательница

Я расскажу о своей перестройке, – том, как она сорок лет назад начиналась для нас, писательниц. Я окончила Литературный институт в 1983-м году, и где-то до 1986-го мы не могли напечататься – мы, девушки, которые окончили Литературный институт. Потому что существовал стереотип, что женщина в литературе – это второстепенная писательница, что именно мужчины могут быть писателями, поэтами, драматургами и т.д. и т.д. Женщины, скажем, Ахматова и Цветаева – это исключение из правил.

Поэтому когда мы приходили в редакции журналов, те же наши соученики, которые стали редакторами, нас не печатали и говорили: вы пишете такую бабью прозу, вам интересны эти роды, аборт и т.д. Все это женское, которое невозможно читать и невозможно, в общем-то, даже

писать. Мне, например, говорили, что я занимаюсь женской психопатологией. Я сначала даже поверила: что-то со мной не то, наверное, я какая-то ненормальная. Мне было уже даже страшно эту свою прозу показывать. Я написала «Царица Тамара» о женщине, которая прожила очень тяжелую жизнь и рассказывает об этой жизни в палате, сделав аборт. Эту вещь «Царица Тамара» считали патологической...

Тогда, в годы Перестройки, началось все с экологии. Помню, я пришла в ЦДЛ, и там был экологический форум. Это было так ново, так интересно. И мы слушали: что же такое экология, что же такое происходит в мире. Потому что перед нами открывался мир. И там я встретила свою сокурсницу Ларису Ванееву – очень интересную писательницу, очень красивую женщину. Смотрю: она стоит такая бледненькая, выцветшая. Я спрашиваю: Лариса, что с тобой? Она отвечает: наверное, у меня психопатология – мне говорят, что я пишу психопатологию женскую. Я спрашиваю: а кто тебе сказал? – Да, тот-то, тот-то, те редакторы, которые учились с нами, но были троечниками, а мы были отличницы и по прозе, и по обучению, по образованию. У меня был красный диплом.

И вдруг мы посмотрели друг на друга и решили: а почему бы нам не сделать что-то вместе? Я спрашиваю: а где сейчас Лена Тарасова? – Ой, она сторожем работает, а я дворником работаю. – А эта? – А эта вообще где-то, не работает. Лера Нарбикова не может найти работу.

Я тогда заливала катки во дворе, как раз около Бутырской тюрьмы. Учила детей. Мы около Бутырской тюрьмы играли в футбол, били мячом. Даже карьера не складывалась у нас после получения высшего образования.

И мы с Ларисой тут же решили собрать все эти женские тексты. Она говорит: уже же началась Перестройка, давай соберем их – раз они не напечатаны. И мы собрали тексты. Валерия Нарбикова писала авангардистскую прозу. Лариса Ванеева – постмодернистскую, я – реалистическую, Лена Тарасова писала очень интересную прозу – у нее это

называлось «Не помнящие зла». Как женщина толстеет, лысеет, разлагается ее плоть. То есть какая-то болезнь ее точит. Нам показалось, что эта вещь очень интересная, своего рода деконструкция мифа тургеневской женщины.

В общем, нас собралось десять человек, Татьяна Набатникова из Сибири. Светлана Васильева – жена писателя Евгения Попова. Она написала предисловие. Как я сейчас понимаю, она что-то понимала в феминизме. Мы тогда этого не знали. Слово знали, но не знали, что мы боремся с дискриминацией. И создали такую рукопись. И было такое прогрессивное издательство «Московский рабочий». Оно уже тогда печатало андеграундную литературу. Мы нашли редактора-женщину, зав.редакцией тоже была женщина. В общем, мы выпустили эту книгу на свой страх и риск. И на этой обложке была как раз изображена такая лысая женщина из «Не помнящий зла». Так мы называли свой сборник.

И на другой день мы проснулись знаменитыми. Потому что этот сборник тут же все расхватили, где-то за две недели его раскупили. Хотя тираж был около 30 тысяч. И тут же появилась статья в «Литературной газете», где этот сборник смешали с грязью. Написали, что у женщины душа слишком близка к телу, поэтому она не может написать хорошую прозу. Это написал Павел Басинский – известный, в общем, сейчас писатель и ставший теперь уже сам феминистом. Потому что на него эта история очень повлияла. Ему ответила Елена Гессен из Америки. Началась бурная дискуссия в «Литературной газете». Через год мы напечатали новый сборник в той же редакции - «Новые амазонки». Нашу группу так и прозвали «Новые амазонки».

Мы победили. То есть началась сплошная женская литература. Появилась Татьяна Толстая, появилась Людмила Улицкая, появилась Людмила Петрушевская, которая всегда была, но ее отталкивали. Нина Садур. В общем, женщины победили в литературе. Литературный институт,

который раньше состоял из мужчин, теперь женский. Если там есть один мальчик в семинаре, то это считается счастьем.

Я не знаю, плохо это или хорошо, это какой-то такой перекося, но что поделать. Творчеством сейчас занимаются в основном женщины. Так же и во ВГИКе на сценарном, на режиссерском факультетах. Мальчики, наверное, ушли в айтишники...

Мы тогда встретились с Надеждой Ажгихиной, которая возглавляла Союз журналисток. И мы с ней сделали много женских конференций по женскому творчеству, о свободе в средствах массовой информации. И вдруг в какой-то момент мы почувствовали, что опять что-то началось. Это было лет десять назад, наверное, 2014-2015 годы. Когда мы осознали, что к нам тянутся девчонки, которых не печатают.

Мы стали создавать сборники женской прозы. Каждый год мы издаем по сборнику. Но у нас с Надеждой всегда должна быть какая-то концепция. Женщины очень мало говорят о детстве, не пишут, мало пишут. Мы издаем сборник «Девочка на шаре, или сны о детстве». Или нам интересен был феномен дочерей и матерей. Мы сделали сборник «Дочки-матери». Это все сборники женской прозы.

Женщины, оказывается, не умеют писать о своем детстве. Они как бы стараются писать о своем детстве как мужчины - о мальчиках,. Женщины не умеют писать о любви. Мы создали сборник «Декамерон» - плохо получилось. Женщины не умеют писать об отношениях с мужчинами. Все-таки мужчины пишут о своей любви к женщине, а не наоборот.

Сейчас мы создали последний сборник «Семейное счастье». Мы-то думали: семейное счастье – сейчас женщины наконец-то напишут о своих отношениях с мужьями. Но получили «Семейное счастье» - отношение женщин со своими бабушками. Сейчас мы создаем еще один сборник, уже объявили конкурс - «Сильная женщина. Женщина и карьера». Мне кажется, это будет интересно.

У нас есть сайт «Новые амазонки» - newamazons.org. Мы проводим конкурсы, присуждаем премии «Новые амазонки». Я не знаю, есть ли конкурс имени Раисы Горбачевой. Если нет, то хотелось бы, чтобы он был.

О.М. Здравомыслова. В завершение нашего марафона я бы попросила сказать несколько слов очень известную исследовательницу истории женских и гендерных исследований Валентина Успенскую. Она в Твери. Она онлайн до нас дошла и что-то нам скажет.

«В истории сохранилось много имен женщин, которые писали о наилучшем устройстве государства и общества»

В.И. Успенская, кандидат философских наук, Тверской государственный университет.

Я с воодушевлением слушала всех вас. Что я могу сказать? Давайте дальше работать. У нас нет другого выхода. В этом году исполняется 25 лет нашему Центру гендерных исследований в Тверском государственном университете. В этом году – для меня это неожиданность – на каждом курсе студенты, которые записались ко мне писать курсовые, все попросили гендерную проблематику. Надо проводить исследование, почему такой повышенный интерес в этом году.

23 апреля будет очередная конференция. Студенты выступят со своими исследованиями. Мы продолжаем работу, связанную с поиском женского письма в политике прежде всего. Первая часть моей книге вышла. Столько имен женщин, которые писали об обществе, государстве... Мне хотелось сделать эту книгу (первая часть уже в нашем университете вышла). А теперь и вторая часть. Там и российские, и английские, и французские, то есть европейские в основном женщины, которые с XV века писали о наилучшем устройстве государства и общества.

Такая наша работаю

Спасибо большое за эту конференцию. По поводу премии имени Раисы Максимовны Горбачевой - действительно, надо это сделать. Очень правильно предложила Светлана Василенко. Это очень важно. Раиса Максимовна - светлый человек.

Спасибо вам, что продолжаете Клуб, поддерживаете нас, приглашая на конференции.

О.М. Здравомыслова. Спасибо, Валентина. По-моему, получилось прекрасное заключение. Всем большое спасибо. У нас был такой длинный марафон выступлений, и не осталось времени на дискуссию. Но это говорит о том, что есть много людей, которые могут и хотят высказаться. И мы будем продолжать это.

И большое спасибо за предложения, которые здесь прозвучали. Замечательные, включая последнее, связанное с Раисой Максимовной Горбачевой. Вообще в нашей публичной истории очень мало женских имен. Их везде немного. Но у нас их слишком мало. Поэтому надо стараться это изменить. Как сказала Елена (Здравомыслова), будем изобретать традицию. Дело это трудное, но благородное.